

**Время выполнения заданий — 180 минут.
Максимальное количество баллов — 100.**

1. Задание на аналитическую работу с визуальным материалом (20 баллов).

Ниже даны фотографии инсталляций, артобъектов и экспонатов. 5 инсталляций выполнены одним европейским художником.

1. Укажите буквенный шифр этих 5 объектов и дайте название классификации.
2. Обоснуйте в 2-3 предложениях свой выбор.
3. Сформулируйте тезис о том, какой исторический опыт призваны были отобразить отобранные Вами объекты.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Ж.

Е.

2. Задание на критическую работу с публицистическим текстом (30 баллов)

Перед вами фрагменты статьи Г. А. Зюганова «Подвиг Руси». Прочитайте их и ответьте на вопросы после текста.

Как субъект геополитики Русское государство сформировалось еще в IX веке в результате объединения родственных восточнославянских племен, древним культурным центром которых было Среднее Приднестровье во главе с Киевом. С момента своего образования Киевская Русь сразу стала одним из крупнейших государств той эпохи, и ее государственность носила однозначно континентальный характер. Основой материального благополучия Киевской Руси, в значительной мере предопределившего и расцвет богатейшей культуры, стал контроль над внутренними материковыми пространствами, по которым пролегал знаменитый торговый путь «из варяг в греки» - важнейшая коммуникационная артерия Евразии тех времен.

Впрочем, развитие русской государственности с самого начала было преисполнено драматизма. На пути к процветанию юную державу ожидало суровое испытание: коварный степной хищник, Хазарский каганат, ревниво следил за набирающим силу соперником. Несколько десятилетий длилась борьба, в ходе которой порой казалось, что Руси уготована незавидная роль покорного вассала, пока, наконец, отважный и воинственный князь Святослав не разгромил каганат в середине X века.

Первые военные столкновения как бы задали тревожный тон всей последующей российской истории. В течение десяти веков после этого Россия в непрерывном соперничестве с агрессивными соседями должна была раз за разом доказывать свое право на самобытный существование, оплачивая это кровью лучших своих сыновей и дочерей.

...В середине 15-го столетия в результате героических усилий российская государственность под скипетром Иоанна III обрела новое качество. И всё же

подлинным основателем российской геополитической державы стал Иоанн Грозный. Во-первых, он завоевал Казанское и Астраханское царства – последние островки былой татаро-монгольской мощи. Вторым стратегическим прорывом России стало присоединение Сибири.

...Начатые Иоанном дела завершил другой знаменитый государь – основатель российской империи Пётр I. В отличие от устоявшегося мнения, воюя со Швецией (сильнейшей в то время европейской державой) за Прибалтику, Пётр стремился не столько «прорубить окно в Европу», сколько, наоборот, обезопасить Россию от возможной агрессии со стороны морских направлений. Этими же геополитическими соображениями диктовались многие другие знаменитые начинания Петра – строительство военно-морского флота, решение возводить новую столицу «на берегу пустынных волн», пристальное внимание к европейским техническим и военным новшествам. Когда Северная война со Швецией завершилась в 1721-м году Ништадтским миром (присоединившим к России Ингерманландию, Эстляндию и Лифляндию), это означало не только возврат исконных российских земель, но торжество геополитической целесообразности, обеспечившее, между прочим, населению региона в течение последующих 200 лет (пока не нашлись охотники «исправить несправедливость») режим максимально возможного покоя и мира. Все дальнейшие шаги России, направленные на обретение своих естественных геополитических границ, диктовались её стремлением к ~~державности~~ державности....

Яркий пример российского миротворчества – её решающий вклад в победу над Наполеоном. С точки зрения локального европейского противостояния Франции и Англии, Наполеон со своей «континентальной системой» был, безусловно, главной угрозой морскому геополитическому принципу, олицетворявшемуся Великобританией. И все же в масштабах огромной Евразии этот конфликт имел явно местный, периферийный характер, в то время, как попытки Бонапарта завоевать Россию, расчленив её гигантские пространства, несли смертельную угрозу всему геополитическому равновесию материка.

Вопросы:

- 1) Как бы вы определили принципы характеристики исторического процесса в данном тексте? Кто выступает субъектами рассказываемой истории? Какие логические ходы и выразительные средства (эпитеты, метафоры и т.д.) использует автор в своем описании?
- 2) К какому выводу подводит описание российской истории, представленное в этом фрагменте текста? Какие уроки относительно смысла исторического процесса и места в нем России, значимости государства, пространства и человека предлагается извлечь читателю?
- 3) Как на ваш взгляд образ истории в данном тексте связан с его публицистической направленностью? Опираясь на знание социальных теорий, укажите на ограниченность данной интерпретации истории. По каким основаниям можно ее критиковать?

Задание 3. Выберите и выполните одно из предложенных ниже творческих заданий: А, В или С. (50 баллов)

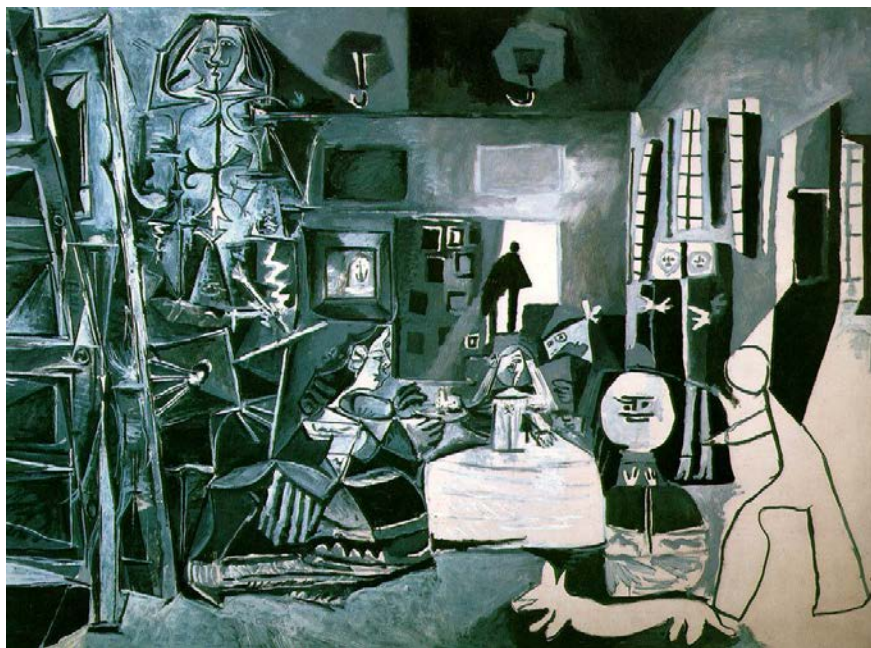
А. Куратор

Ниже представлены три картины. Вы - куратор будущей выставки. Ваша задача концептуально объединить предложенные объекты и написать проект выставки. В проекте необходимо указать общую идею и цель, обозначить актуальность/значимость

планируемой выставки; предложить ее название и написать ее краткую аннотацию; продумать тип выставочного пространства, последовательность расположения объектов и способы перемещения в нем посетителей, виды информационной и текстовой поддержки экспозиционного замысла; указать целевые аудитории и стратегии по их привлечению.

Диего Веласкес, «Менины», 1656

Пабло Пикассо, «Менины Веласкеса», 1957

Ричард Гамильтон, «Менины Пикассо», 1973

В. Режиссер.

Вы современный театральный режиссер и задумали спектакль, в основу которого положено стихотворение Иосифа Бродского «Пилигримы» (1958). Напишите концепцию будущего спектакля, чтобы привлечь к Вашему замыслу внимание будущих экспертов, грантодателей, спонсоров, критиков и просто зрителей. В концепции необходимо указать общую идею и цель спектакля, обозначить степень его актуальности/значимости, отразить ключевые историко-культурные установки режиссера; придумать название спектакля, зафиксировать его жанровую принадлежность, написать краткую аннотацию (5 предложений); определиться с содержательными и формальными характеристиками будущего спектакля и техническими аспектами реализации замысла (тип театрального воплощения (драматический театр, театр кукол, «театр художника», балет, опера или мюзикл? текстовые/визуальные/звуковые/перформативные «расширения» основного текста? число актеров? композиция спектакля? особенности временной и пространственной организации спектакля? тип сценического пространства, декорации и реквизит? и т.д.); описать формы взаимодействия со зрительской аудиторией.

«Пилигримы» Иосиф Бродский

«Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигримов»
В. Шекспир

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле пилигримы.
Увечны они, горбаты,
голодны, полуодеты,
глаза их полны заката,
сердца их полны рассвета.
За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звёзды горят над ними,
и хрипло кричат им птицы:
что мир останется прежним,
да, останется прежним,
ослепительно снежным,
и сомнительно нежным,
мир останется лживым,
мир останется вечным,
может быть, постижимым,
но всё-таки бесконечным.
И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
... И, значит, остались только
иллюзия и дорога.
И быть над землёй закатам,
и быть над землёй рассветам.
Удобрить её солдатам.
Одобрить её поэтам.

С. Автор идеи/сценарист

Прочитайте рассказ Михаила Осоргина «Дневник отца» (опубл. 1947). Выявите культурологическую проблематику этого рассказа и придумайте интерактивное событие, ее отражающее (жанр события выберите сами: это может быть встреча, дискуссия, праздник, фестиваль, акция, флешмоб и т.д.). Зафиксируйте общую идею, цель, актуальность/значимость данного события и ключевые историко-культурные установки его организаторов (зачем оно проводится?); придумайте название события, его возможные тематические «расширения» (эпиграфы, цитаты, аннотация и т.д.), опишите содержательные и формальные характеристики события, технические подробности его реализации и организации (распространенность события во времени и пространстве (где, когда, как долго оно будет проводиться), число и состав участников,

формы их взаимодействия, материальное и техническое сопровождение и т.д.), укажите целевые аудитории и стратегии по их привлечению.

"Дневник отца"

Отец! Прости мне это кошунство! Я перелистываю тетрадь пожелтевших от времени страничек, дневник твоей любви, твоих страданий и твоего счастья. Я делаю выписки - и со смущенным удивлением смотрю, как сходны наши почерки. Я ясно вижу и другое: как сходны наши мысли о самих себе, эти безжалостные характеристики, в которых правда чередуется с праздным самобичеванием. Передо мной и твоя карточка - последняя, покойная: сложены руки, и голова ровно примяла подушку, окруженную гирляндой цветов. Я прикрываю бумагой твою седую бородку и узнаю в мирно спящем, в спящем навеки - себя самого: лоб, нос, надбровные дуги. Только спокойствие и серьезность - не мои, еще не мои...

Эта тетрадь да миниатюрный портрет матери - все мое наследство; и я большего не желал, лучшего я и не мог бы желать. Две реликвии пятидесятих - шестидесятих годов, две тени прозрачных душ. Через годы и этапы жизни они прошли и сохранились истинным чудом. В них моя связь с далеким прошлым, с началом и причиной моего бытия. Мне уже некому будет передать их. Но мысль не мирится с тем, что они окажутся на лотке сенского антиквара, что коллекционер обшлагом сотрет пыль со стекла миниатюры, а лицеист, поклонив палец, с недоумением перелистает рукопись на незнакомом языке. Мне хочется продлить их интимную жизнь хоть в чьей-нибудь памяти, прежде чем все исчезнет.

Разве это - кошунство? Со всей силой любви и благодарности - благодарности за жизнь, которую оба вы мне даровали,- я напрягаю все свое малое дарование, чтобы сказать о вас лучшими словами, какие найду и сумею вплести в венок вашей памяти. Простите же меня! Уже и до меня доносится холодок грядущего небытия, уже и на моих часах стрелка неумолимо близится к неведомой мне минуте покоя в Востоке вечном.

То, что я пишу сейчас,- пишется лишь один раз в жизни и в груди исписанных за многие годы листов бумаги не потонет: кто-то любящий, в кого я верю, чью ласковость чувствую,- близкий ли, далекий ли, родной или незнакомый,- сделает из этих страниц реликвию памяти обо мне, а через меня - о вас, когда и эти страницы позолотятся временем, как лежащая передо мной наивная и трогательная запись мечтаний и любовной тревоги.

* * *

"Я придумал писать к тебе, милая моя Леночка. Знаю, что ты никогда не прочтешь того, что будет мною написано. Знаю также, что тебе и в голову не может прийти, чтобы я мог что-нибудь писать тебе, будучи так немножко знаком тебе. Знаю даже, что ты отозвалась бы насмешливо и даже презрительно, если бы узнала, что какой-то человек, совершенно тебе чуждый, вовсе не привлекательный и более чем посторонний, осмеливается что-то писать к тебе, без всякого права, без малейшего основания и повода, и притом так дерзко, так вольно. Но Боже мой! Ведь говоря с тобой, разве тебе я говорю? Я говорю с воображаемой Леночкой, или лучше - говорю с самим собой. Положим, это странно, дико, смешно и даже глупо. Разве ты-то узнаешь когда об этом?"

* * *

Отец мой был бедным уфимским помещиком и в своем бездоходном имении почти не жил. Окончив университет, стал работать и работал до последнего дня жизни, тяготясь этим, но и не умея жить без постоянного и упорного труда.

Его дневник по времени должен совпадать с первыми годами реформ Александра Второго, с крестьянской и судебной; но в дневнике - только его любовь, эпоха в нем не отразилась. Работал он по проведению крестьянской реформы, позже - судебным следователем первого призыва, еще позже - членом окружного суда в приуральской провинции, откуда, уже человек многосемейный, никак не мог выбраться.

Умер он в родной Уфе, куда приехал повидаться с родными и показать им младшего сына - меня. Тому времени прошло больше тридцати пяти лет. Ему хотелось еще показать мне остатки неразделенного нашего родового поместья, - но не удалось. Помню, что оттуда, из деревни, приехал повидать отца и меня наш бывший крепостной повар, глубокий старик, очень преданный. Он смутил меня, гимназистика, поцеловав меня в плечо, а потом собственноручно свертел нам мороженое. Когда отец умер, имение, которого я так и не видал никогда, продано было крестьянам.

Мне не верится, чтобы отец мой был таким "непривлекательным" и замкнутым в себе человеком, каким он себя изображает в дневнике. "Близких и милых друзей у меня нет, и сам я такой скверный человек, что не способен к большой откровенности. В жизни моей такая скудость и пустота. Мне страшно, что время уходит без следа и напрасно; мне грустно, что такая пустота и пошлость представляется моим глазам и так мало истинно прекрасного я вижу". Влюбленный - может ли писать иначе? Но я помню и знаю по отзывам других, каким он был привлекательным, общительным, веселым и милым человеком, какой любовью и уважением пользовался в обществе. В молодости не было друзей? Возможно. Но не выше ли дружбы, не богаче ли ее - любовь, которой посвящены его записки?

* * *

"Я в первый раз увидел тебя в театре. Ты только что приехала в Уфу и впервые явилась уфимскому обществу. Я пришел в театр усталый от работы, пришел измученный и грустно настроенный. В театре ты обратила на себя внимание наших кавалеров. Хорошенькое личико в губернаторской ложе, новая фамилия - обратили на тебя толки и лорнеты. Многие уже готовили тебе фразы и улыбки; другие разузнавали. Издали ты мне показалась очень милой, а когда я тебя увидел поближе, я должен был сознаться, что не обманулся. Такая ты была молоденькая и свеженькая; так славно смотрели твои чудные глазки; столько юности и чистоты в тебе было. Твой образ, твой взгляд, все то общее впечатление, которое ты делаешь, мне напомнили что-то, чего я кругом не видел. Я не влюблен в тебя только потому, что я не мальчишка. Я не влюблен в тебя, но я затаил, скрытно от других и тебя, твой образ в душе своей и придал ему все остальное своим воображением. Я долго мог после этого вызывать на память твой образ. Я тешился этим в минуты тоски и грусти. В этой форме стало у меня слагаться все лучшее, о чем я думал. Мне хотелось верить, что ты действительно чудная девушка; и если бы для тебя потребовали у меня жертв, я на все готов бы был решиться. Я глупый мечтатель, милая Леночка; но право, никогда и никто другой не ставил тебя так высоко и свято в эти минуты".

* * *

Ей, этой хорошенькой девушке, привлекшей к себе "толки и лорнеты", было семнадцать лет; она только что окончила институт и приехала с отцом и старшей сестрой погостить в Уфу к знакомым. Изящная, миниатюрная, получившая светское воспитание, она имела большой успех в замкнутом дворянском обществе Уфы. Несомненно, моему отцу нетрудно было с нею познакомиться и часто ее видеть; губернатор Аксаков, в семье которого она была принята и в ложе которого впервые появилась, был связан с отцом тройным родством. Хотя отец и "выключил себя давно из разряда уфимских кавалеров", но он был очень молод, хорошей фамилии, умен, образован, талантлив, всюду принят.

Но какой же молодой человек того времени, побывавший за границей и томившийся провинцией, чуждался маски "печального равнодушия, после которого кончается молодая жизнь, смолкают пылкие стремления, останавливается движение вперед"? Мешали еще неуверенность в себе, малая обеспеченность и ответственная служба, отнимавшая много времени. Но главное - самолюбие, нежелание оказаться в очереди улыбающихся и говорящих фразы поклонников юной уфимской звезды. Смотреть издали, томиться этой далью, в томлении находить сладость и поверять бумаге свои мечты - разве это не лучшая рамка для родившегося чувства?

* * *

"Помню я и всегда буду помнить одну заутреню на Пасху. Я только что оправился от болезни и с радостным сердцем попал в церковь. Признаться, ты не была у меня в мыслях; но Бог знает отчего я был весел. Ты была у заутрени и стояла от меня близко. Ты была хороша, но в этом не было для меня перемены. Молилась ты усердно рядом со своею сестрой. Но вот кончилась заутреня, свечи погасли и началась обедня. Я нечаянно очутился возле тебя, потому что не искал этого случая. Стало темно; ты устала, видимо. Не знаю почему, но я вдруг стал на тебя смотреть иначе. Светская девушка исчезла у меня из глаз, и передо мной действительно стояла моя милая Леночка, которая так часто чудилась моему воображению. Я не мог оторвать своих глаз от тебя. Такая ты мне сделалась милая, так мне хотелось обнять и расцеловать твои ручки и глазки, крепко прижать тебя к сердцу. Ты мне показалась ребенком, но таким ребенком, за которого я отдал бы все на свете. Эгоизма во мне не было в то время; чувства мои были чисты и просты; если бы мне указали тут же какого-нибудь идеального человека и назвали его твоим будущим мужем, тобою любимым, я горячо протянул бы ему руку на будущее счастье и только строго-строго взвесил его качества. Для себя я сберег бы - но нет, что я говорю? Я никому тебя не доверил бы; я окружил бы тебя любовью, окружил бы тебя такими попечениями о твоём счастье, - только бы дали мне возможность самому сделать это счастье".

* * *

Провинциальный мирок, где каждый знает каждого, где новый человек, особенно женщина, особенно молоденькая, красивая, светская, долго служит предметом внимания, толков и пересуд. Зимний сезон, театр, клуб, балы, маскарады, любительские спектакли под покровительством помпадурши. Толпа золотой молодежи, шаркунов, бойко болтающих по-французски, и, конечно, свой Чайльд Гарольд, отрицающий это пошлое общество, но неизменно являющийся на балы и

спектакли, чтобы со скептической улыбкой и со скрещенными на груди руками простоять весь вечер у колонны.

"Не влюблен, потому что не мальчишка". А сам не сводит, не может оторвать глаз от сцены, где девушка-подросток со смущением произносит слова своей роли, так ей не подходящей. Дома он вынимает из стола свою тетрадку и пишет при свете масляной лампы:

"Чужие и скверные люди пустили тебя на эту сцену; такой молоденькой, неопытной девушке, не имеющей даже определенного положения на свете, и дали такую роль! А между тем как хорошо, с каким верным пониманием исполняла ты свою роль. Ты была так мила, что спокойно сидеть я был не в силах. Каждый шепот во время твоей речи, каждый смех между зрителями - бесил меня. Я едва удержался в толках с некоторыми о пьесе и исполнителях; я вовремя опомнился и убежал, не кончив речи. Мне хотелось защитить тебя и от похвал, и от общего смысла твоей роли, хотелось увлечь тебя с этой сцены, заставить молчать каждое неосторожное слово. Но что тебе в этой защите? Я тебе также посторонний человек и даже более, чем последний из окружающих тебя знакомых. Боже мой, как грустно!"

Наедине с собой - зачем прикрываться плащом равнодушной усталости и "отеческого чувства" к беззащитному ребенку? И пишет рука Чайльд Гарольда:

"Я не досказал еще тебе, Леночка, что я уже люблю тебя и полюбил почти с первого твоего взгляда, как никогда не любил никого на свете. Теперь это слово сказалось, и так ясно и живо стоит для меня, и напрасно силюсь я ему отыскать другое название. Что же теперь делать, моя милая?"

* * *

Та ли она, какою кажется? Имеет ли право он, такой дурной, испорченный, усталый, негодный человек, думать о ней, говорить с ней в своем дневнике, мечтать о более близком знакомстве, о счастье быть замеченным, выделенным из толпы поклонников?

"Если бы я мог взвесить холодным рассудком все будущее, я собрал бы всю волю, весь эгоизм свой; я заперся бы внутри себя и задушил бы в себе это тяжелое чувство".

И разумеется, - "разбил бы свою жизнь и умчался Бог знает куда". О забвении и новом счастье уже не мечтать, уже не создать себе новой жизни. "Лета разве только возьмут свое, и под гнетом их я стану бесстрастен и спокоен. Все кончено к лучшему. Дальше все пойдет так незаметно и постепенно. Сегодня одно разобьется на сердце, завтра другое, там третье, а потом и ничего не будет: холодно, ровно и мертво".

* * *

Страницы и страницы, отданные грустным и трагическим размышлениям о своей ненужности, неинтересности, о муке любви неразделенной и безнадежной.

Уж такой ли безнадежной? Правда, она сказала как-то в случайном разговоре, что "не понимает романтической любви" и что "любить не может никого". Но ведь сказала это девушка семнадцати лет и сказала с таким ласковым сиянием голубых глаз, что у бедного страдальца сразу согрелась душа и забилося сердце нечаянной радостью.

Да, они теперь уже довольно часто встречались. Со всеми оживленная и беззаботная - с ним она была серьезной. Он ее немножко пугал своими

рассуждениями о людской пошлости и собственной своей негодности. Со всеми было просто - с ним очень трудно и беспокойно. Случалось даже, что она просила его не приходить,- и он, оставшись дома, писал за страницей страницу, красивыми словами воздвигая надгробный памятник своему неоцененному чувству. Но иногда, наоборот, она, уставши от пустых светских разговоров, сама искала его, странного, не похожего на других, немного волнующего, слишком для нее умного, вызывающего какие-то новые, непривычные вопросы, грубоватого и презрительного со всеми, кроме нее, а главное - несчастного. Любовь женщины часто начинается жалостью, желанием утешить и ободрить. И также часто маленькие женщины догадываются, что мировая скорбь мужчины непрочна и довольно легко излечивается ласковым словом; только не нужно противоречить и смеяться. Голубые глазки знают свою власть,- но и играть с таким человеком нельзя! Как же быть? И почему он прямо не скажет, чего он хочет от нее, за что ее так мучит слишком серьезными и слишком унылыми разговорами? Он умнее и интереснее других,- но было бы лучше, если бы он был весел, как другие, потому что ведь жизнь так хороша и рано в семнадцать лет мучить себя загадками и вопросами.

* * *

"Как я счастлив сегодня, как мне весело и отратно! Такая ты добрая была, Леночка, такая милая, такая хорошенькая. Ты не оттолкнула меня, ты не засмеялась надо мной после всего, что я сказал тебе, не приняла за фразу мое слово. Ты говорила со мной так хорошо, так искренне. И ты могла помышлять, чтобы я дурно о тебе думал? Ты могла думать, что я нахожу удовольствие тебя мучить? Да разве ты не знаешь еще, что вся моя жизнь, все мое дорогое и прекрасное - в тебе одной? О, я был бы хорошим человеком, если бы ты, Леночка, не отнимала у меня радости и надежды - не быть тебе чужим".

* * *

Чередуются в дневнике эти "так счастлив сегодня" и "я так несчастлив". И всегда: "Что же мне делать, что делать?" Сказать о своей любви? Но "по какому праву?"

Это в наше время можно говорить о своей любви хоть накануне ее появления и девушке, и замужней, и той, которая желанна, и той, без которой можно обойтись. На Рубиконе же пятидесятих - шестидесятих годов было нужно иметь на это право! Сказать о любви - а дальше? Быть отвергнутым - значит жизнь разбита и исчерпана! Быть выслушанным благосклонно и услышать ответное "да"? Но ведь для этого...

Кто такой ее отец? Чего хочет он для своей дочери? Человека, по-настоящему ее любящего, или жениха с деньгами и положением в обществе? Зачем-нибудь да позаботился он, не богатый и не знатный, дать дочери тонкое образование и ввести ее в лучшее общество, ей доступное. И кто претендент? Бедный дворянчик, служака, работник, ничем не выдающийся человек? И что за тип этот их знакомый по Варшаве, поляк Г., богач, к которому с таким расположением относится ее отец? Жених? Может быть, она уже любит его или полюбит? Ну что ж!

"Если ты будешь истинно любить Г. - для твоего счастья довольно. О, я тогда, если бы и погиб вовсе для счастливой жизни,- я помирился бы с тобой, и ты навсегда осталась бы для меня чистым и светлым существом, явившимся мне, чтобы осветить хоть на время мое существование. Издали и идеально, мечтательно и грустно я всегда любил бы тебя. Мысль, что тебе хорошо на свете с другим, была бы мне мучительна

на время и, может быть, долго; но это не было бы разочарованием и не прибавило бы никакого темного пятна к моей житейской опытности..."

Разбогатеть? Но как? От работы не разбогатеешь,- она и так отнимает весь день. Выиграть в карты?

"Я только что воротился домой. Я сегодня играл и много проигрался; но не мог заглушить тоску свою. Тебя я не видал, а если бы и увидал - разве было бы лучше? Ты была дома, потому что я видел свет у вас в доме. "Верно, у вас Г.",- подумал я; и как ни разуверяла ты меня, и как ни верю я тебе, а все мне стало нехорошо от этой мысли. Кто близок к тебе, того ты скорее полюбишь; кто так далек, как я, того ты любить не можешь. Господи, как грустно мне. Теперь, после этой убитой так пошло ночи, еще хуже, еще пустее кажется на свете, и ничего, решительно ничего, ни малейшей надежды. Нет, я решительно погибаю и оставаться так долго уже не в силах. Пусть гибну".

Последняя буква прижата пером, и черта под отрывком дневника, обильная чернилами, шершавая, разорвала бумагу...

Кажется - все кончено!

* * *

Но нет, еще две краткие записи:

"Хорошо мне теперь. Целый вечер я не спускал с тебя глаз и говорил с тобою. Неужели в самом деле я могу быть счастливым?"

"Два нехороших дня. Я решился не писать в эти минуты ужасного состояния и тоски. Я начинаю бояться мысли, что к счастью я не способен. Буду писать теперь только тогда, когда мне хорошо будет. Когда же это?"

* * *

Когда же это?

Такова - последняя строчка грусти и безнадежности любовных записей моего бедного отца.

"Судьба этих глупых писем - быть сожженными",- писал он раньше. Но прошло почти семьдесят лет - и аккуратная тетрадоочка, исписанная мелким его почерком, озаглавленная на первой странице "Мои бредни", лежит передо мною.

Отец ошибся: тетрадка пережила и его, и эту неприступную и недостижимую Леночку и, может быть, переживет меня, которому она досталась в наследство и во свидетельство того, что любовь не придумана сегодня, что она вечна с вечными своими спутниками: щемящей грустью, сменой очарования унынием, отчаяния надеждами, с неизменным самобичеванием, мечтою об идеальном и прозой действительности.

Отец ошибался и в другом: любовные дневники пишутся только в минуты грусти и неуверенности, а не "когда будет хорошо". Когда хорошо, когда человек счастлив и любовь его разделена - зачем тогда писать дневник? Зачем писать тайные письма той, которой уже можно все сказать и от нее все услышать?

Чем кончился его роман? Прочла ли Леночка эти не сожженные вовремя записки? Поняла ли их автора, оценила ли? Смогла ли, наконец, полюбить она, "не понимавшая романтической любви" и "не способная полюбить никого"?

Я вижу эту Леночку, с ласковым взглядом голубых глазок, нежную, кроткую, не способную на мучительство. Она смотрит на меня с миниатюрного портрета.

Эта Леночка - моя покойная мать.

* * *

Я пишу эти строки глубокой осенью, в деревне, у большого открытого окна. Умирающая зелень за окном, и весь мой домик, и моя комната, и мой стол, и рукопись - все залито щедрым золотом солнца. Я в нем купаюсь, как в расплавленном счастье, как в потоке и сиянии разделенной любви.

Я помню о двух могилах в двух далеких городах России: могилах отца и матери. Одна в Прикамье, на старом, вероятно уже заброшенном кладбище; другая близ города, у подножья которого течет река Белая. Мне никогда не увидеть больше этих разлученных могил.

Сыновним чувством, проснувшись в этот светлый день, в осенний день моей жизни, я соединяю могилы тех, кому обязан великим счастьем жизни в творчестве. Я ставлю им общий памятник, скромный, незаметный, из пирамиды моих нежнейших слов, осыпанной цветами сыновней признательности,- единственный памятник, какой могу поставить своими руками и своими скудными средствами. Чтобы и мне было где молиться и что чтить. И было бы это везде и всегда со мною.

Эти строки, пройдя через машину наборщика и свинцовую пыль типографии, прочтутся чужими людьми с любезным вниманием или с привычной рассеянностью. Истлеют страницы этой книги; уйду я; уйдет и все.

Что останется?

Останется, конечно, солнце. И останется, конечно, любовь, идеальная, романтическая, всегда немножко наивная и смешная. Она останется, каковыми бы ни стали люди в массе, каких трезвых слов ни придумали бы, какой обидной улыбкой ни награждали бы мечтателя. Всегда останутся чудачки, рыцари и поэты недостижимого, пишущие дневники о своем любовном томлении, готовые "разбить жизнь свою" за минутное невнимание и "отдать всего себя без остатка" за ласковый взгляд. После - дневники их обрываются, и тогда начинается реальное, хорошее, или дурное, или среднее, незаметное, простое.

Живя этим реальным, они хранят среди старых бумаг и любимых вещичек страницы, писанные ими в ином, нереальном мире - в мире грез об идеальной любви и недостижимом счастье. Прекрасное и неповторимое остается святыней. Листы бумаги желтеют, как желтеют лепестки белой розы, засушенной и спрятанной на память. Но аромат слов остается.

Как хрупкий, засохший цветок, я берегу этот дневник моего отца. На нем почиет святость прошлого, давшего и мне радость жизни, тоску сомнений и счастье любви разделенной.